

Судьба Президента в России (власть как риск)

«Тот, кто удерживает власть в силу собственной харизмы, удерживает её по милости тех, кем он управляет».

М. Вебер

Т. Иванова

Эссе

Трудно вспомнить, чтобы какой-либо иной лидер России, сохраняя за собой актуальное политическое настоящее, сосредоточил на себе такое количество негативных оценок («больной, теряющий власть Президент» — самая мягкая из них) и направленной эмоциональной агрессии. Сейчас быть против Президента и некоторых членов его семьи стало чуть ли не хорошим тоном. Удерживаясь у власти силой разнообразных обстоятельств — исторических, экономических, политических, — а также при помощи личной изобретательности и навыков искусства для посвященных — техники номенклатурной живучести, — Ельцин подавляющим числом населения России откровенно признаётся ошибкой неискушённых масс, которые сами себя считают жертвами обмана. В свою очередь, политические игроки, не первый год живущие при кончине «эпохи Ельцина», кто с досадой, кто с надеждой, кто с ненавистью понимают, что не учитывать фактор Ельцина, даже такого Ельцина, в больших играх — самоубийственное занятие. И, как минимум, пройденный этап в искусстве политических раскладов. По словам руководителя депутатской группы «Российские регионы» Госдумы РФ О. Морозова, «нельзя путать физическую немощь Президента с его политической немощью».

В предвыборное время становятся популярными вопросы «какой Президент нужен России?», «кто будет Президентом России?» и «будет ли у России Президент?». Российский опыт учит неизбежности учета личности Президента в макроэкономических стратегиях. Ответ на эти вопросы будет неполноценным, если прежде не понять «мог ли быть у России другой Президент?» Представляется, что не мог.

Российская политика — это, прежде всего, психология, более чем в какой-либо другой стране. Если просто рассматривать российскую политику в рамках некой событийности и как столкновение материальных по своей природе интересов, понять что-либо становится всё труднее и труднее. Только появляется ощущение, что разума здесь нет, а есть, в лучшем случае, ограниченное число экономических монстров (физических и юридических лиц), под безмолвие народа с предметным любопытством наблюдающих за драчкой, подбрасывая в топку дензнаки. С падением традиционных «олигархов» и это представление даёт трещину. Легализовавшиеся всесильные структуры, те самые тайные силы, которых все так боялись, но на которые странно уповали, также явили миру изрядные внутренние противоречия и прискорбную зависимость от человеческих прихотей. Оказалось, что там тоже люди. Так кто и что правит этой страной?

Свято место пусто не бывает. Политика «психологизируется» там, где отсутствуют выраженные актуальные демократические традиции в политике. Психологические законы всесильны до установления традиции, договора. Они вновь могут взять верх, только когда традиция изживёт себя. Иначе, политика «психологизируется» в обществах, которые находятся в аномальном состоянии, в состоянии общественных перемен. Традиция предполагает не только некоторый набор правил, норм и ритуалов,

обязательных к исполнению («игра по правилам»), но и внутреннее освоение их большинством участников политического процесса, когда традиция органично входит в «сверх-Я» человека, руководит его поведением. При перемене политических правил образуется временная «ничья», пограничная полоса, пространство, сохраняющее черты прежней политической традиции с привнесением — насильственным или стихийным — правил новой политической процедуры. Перешагнуть эту полосу и сразу попасть в лучший, совершенный мир невозможно, хотя бы потому что перемены в людях происходят не вдруг. И, почему-то, большинство верит и надеется, что можно закрыть глаза на излёте одной эпохи, а проснуться уже в другой: на этом заблуждении, собственно, и строится более или менее долгая жизнь героев. Будь иначе, их век был бы короток.

Разговор о причинах, превратностях и особенностях карьеры Ельцина в качестве президента хотелось бы предварить обращением к политическому призрак, человеку, который всё это затеял и, собственно, подготовил почву для восхождения Ельцина. Есть точка зрения, согласно которой Горбачёв стал для населения Советского Союза коллективным психоаналитиком. Он осуществил своего рода массовый психоаналитический сеанс, то есть актуализировал дремавшую в массовом бессознательном проблему, её причины, спровоцировал осознание травматических событий истории в государственном масштабе, оснований социокультурных комплексов и страхов, бессознательных ментальных грехов. Другими словами, он подтолкнул страну к исторической, идеологической, психологической, культурной рефлексии, что, в свою очередь, привело к болезненной самоидентификации и чувству вины. Целое государство вслед за шекспировской героиней могло сказать: «Ты повернул глаза зрачками в душу, а там повсюду пятна черноты — и мне их нечем смыть». Правда, Горбачёв в качестве психоаналитика поступил очень по-русски: он всё несколько преувеличил и рассчитывал, что за это ему ничего не будет.

Впрочем, Россия всегда находится в состоянии перемен или всегда в преддверие их, потому что ни одни перемены не были в ней доведены до конца. В состоянии кризиса люди склонны верить в спасителя, героя.

Существует феномен отвержения психоаналитика, когда тот, по мнению пациента, делает слишком больно, касаясь наиболее травматических воспоминаний и пластов сознания. Хотя всё это является достоянием личности пациента и предпринимается, в сущности, ради его пользы, последний склонен объединять нанесённую боль и всплывший негатив с образом психоаналитика — Горбачёв был отвергнут. К тому же в России место Фрейда — на кухне. Там его накормят, но уп-

равлять не позволят. Люди, в конце концов, бывают поначалу благодарны, а потом очень сердиты на того, кто помог извлечь из их души темноту и тем самым, подтолкнул к болезненным прозрениям, как бы ни развивались события дальше. Так что Горбачёв как Президент пережил не самый худший вариант исхода карьеры, при том что в России принято пенять на зеркало, тем более, когда оно так несовершенно.

Общество перешло в аномальное, нестабильное состояние. Впрочем, Россия всегда находится в состоянии перемен, или всегда в преддверие их, потому что ни одни перемены не были в ней доведены до конца. В состоянии кризиса люди склонны верить в спасителя, героя. Массовое сознание, сдвинутое Горбачёвым, не могло оставаться один на один со своим чувством вины, с обнажившимися проблемами. Жажда разрушений декораций вины и перспектива неопределённого обновления требует харизматического лидера: это его время. В известном смысле Ельцин пришёл «на готовенькое». В психоаналитической традиции герой олицетворяет собой «убийство», разрушение, перелом, то есть он решается на то, на что не может решиться толпа. Разумеется, герой действует не сам по себе, его поддерживают движения масс. Но герой необходим им не только для организации движения, им нужен тот, кто примет на себя коллективную вину за разрушение. Герой всегда виновен изначально, следовательно, он визуально и интуитивно должен соответствовать образу изгоя, уroda, аутсайдера, девианта. Харизматические лидеры, в подавляющем большинстве — люди с внешними и внутренними искажениями, душевными патологиями. Логика эмоционального выбора здесь такова: на героя-девианта возлагается задача разрушить порядок, чреватый угрозами существованию сообщества, воспринимая общую вину. Для этого герой уже должен быть «запятнан», так что в известном смысле он уже знает вкус греха и не может более повредить своему положению, тогда как для других такая возможность существует. В случае новой неудачи бывшего аутсайдера и девианта проще сделать «козлом отпущения». Ельцин по обстоятельствам своей карьеры и особенностям личности вполне соответствовал и этой логике, и этим требованиям: номенклатурный маргинал, своего рода социальный перевёртыш. Обладая недюжинной интуицией (что также является распространённой чертой харизматических лидеров), он безошибочно угадал специфику времени и построил свою карьеру на скандале, на создании ситуаций нестабильности, зарабатывая при этом ореол мученика за справедливость, не будучи мучеником в реальности. Можно взять на себя смелость сказать, что он даже получал удовольствие от производимого им шума. Его удача, что его антисоциальность совпала с потребностью масс именно в таком образе лидера. Функция антисоциального лидера только в одном — разрушить, и нельзя сказать, что Ельцин не справился со своим предназначением: разрушение — его конёк.

Для того, чтобы возглавить массы в эпоху перемен, мало быть изгоем. Надо обладать достаточным даром убеждения, умением манипулировать людьми и соответствовать коллективным представлениям о героическом. По мнению Макса Вебера, наиболее важный источник обновления общества — насильственное вмешательство людей, способных манипулировать другими, людей при этом «необычных», которые серьезно уверены в собственной миссии (что, как правило, чуждо нормальному, здравомыслящему человеку), с гипертрофированным представлением о собственном месте в обществе и в истории. Теперь, когда Ельцину предъявляются обвинения в его ненормальности, в непредсказуемости, в патологической лживости, хочется сказать: он именно такой, какой был востребован временем, именно такой, какой был нужен нам. Ведь он преодолел «лень привычного», безукоризненно использовал коллективные иллюзии, сыграл на своём визуальном соответствии национальным героическим образам. Использование бронетанковой техники в качестве декорации к выступлениям — отличный ход, обращающийся напрямую к бессознательной символике. Он был настолько убедителен и ограничен в своём образе, что в момент принятия массыми решения о выборе лидера ему не нашлось альтернативы. Его даже нельзя обвинять во лжи: он был искренен. Другое дело, что девиант может быть искренен ситуативно, а не вообще. Из-за смещенной системы ценностей они не ведают ответственности, но толпа не склонна замечать это, когда ей не выгодно, и склонна заметить тогда, когда ничего другого не остаётся, когда уже родилась новая вина, которую следует на кого-то возложить. «Жизнь в обществе, как её понимает психология толпы, является результатом регрессии и содержит значительный истерический момент»¹. Очевидно, лидер редко является героем сам по себе: его творит, возносит и мифологизирует толпа, которой это необходимо в определённые моменты общественного развития.

При всём единообразии законов взаимоотношения толпы и харизмы, в России этот пласт общественного взаимодействия приобретает крайние формы — безоглядной веры, полной самоотдачи, но и жестокости в отношении уходящего героя.

Строго говоря, Ельцина обвиняют не в том, в чём он действительно виноват. Чечня, в конце концов, — коллективный проект. Он разрушал, потому что это было его функцией. Он манипулировал, потому что иначе он не смог бы разрушать. Он всепоглощающе жаждал власти, потому что иначе к ней было не пробиться. Он лгал, потому что ему хотели верить. Он был асоциален изначально, его приняли и выбрали таким. Он виноват только в одном: выполнив свою роль, он зашелся. Очевидно, Сатаров прав, когда сводит всю

«проблему Ельцина» к тому, что в 1996 году ему не нашлось альтернативы. Логичный, разумный срок Ельцина закончился в 1996 году. Дальше — игры с вечностью. Более того, он сознательно и всеми доступными ему способами отдаляет момент прихода того, кто по всем правилам логики позитивного общественного развития должен появиться следом за харизматиком и девиантом, — независимого эксперта, профессора. И это искусственное отдаление делает всё более реальным регресс. Он виноват в том, что сознательно вычищал из актуального политического пространства всех, кто мог бы составить ему реальную, но позитивную с точки зрения государственных интересов конкуренцию. Он всё соотносит только с собой и всему предпочитает себя и свою власть, вполне беспощадный к себе и к окружающим в этой страсти. Он возвёл стихию собственной личности в стиль государственной политики. Нестабильность — основание и гарант его карьеры, и он воспроизводил ситуацию нестабильности, пока общество не зашло в политический тупик: теперь не избавиться от Ельцина нелогично, избавиться — самоубийственно. Он создал систему неэффективной власти, которая занимается только одним — сохранением статус-кво Президента. Аналитики, уводящие ситуационный анализ в пласт исторических оценок, сходятся в том, что Ельцину не хватило «масштаба личности» для использования шанса решить те глобальные задачи, которые были поставлены перед ним временем. Действительно, истинно в масштабах своей личности он, по выражению писателя В. Пелевина, поменял «империю зла» на «банановую республику зла». Но винить Ельцина в недостаточном масштабе личности — всё равно, что приговаривать человека к расстрелу за шестипалость: можно, а смысл?

Бывает, что человек совмещает в себе разрушителя и созидателя, вовремя переключаясь с одной роли на другую. В стране предельных страстей это невозможно. Приключения харизмы в России обладают своими особенностями. Вот где сказывается отсутствие выраженных демократических традиций в политике. Ни одна законная процедура не выглядит здесь достаточно незыблемой, чтобы ограничить всевластие одного, каким бы хорошим он ни казался. Под одного человека здесь легко перекраиваются конституции и создаются законы при минимальном обращении к мысли: а что потом? В России лень думать о вечности и завтрашнем дне: эмоции захлестывают. Действительно, социокультурная ментальность подвела. При всём единообразии законов взаимоотношения толпы и харизмы, в России этот пласт общественного взаимодействия приобретает крайние формы — безоглядной веры, полной самоотдачи, но и жестокости в отношении уходящего героя. По выражению Кургиняна, «это вот-так, его надо добить, оплатить этим мясом неправдавшиеся надежды». Если бы в этом было хоть сколько-нибудь продуктивности, но в России и созидание приобретает формы разрушения.

В цивилизованном обществе процедура импичмента не должна разрушать само общество, если не нагружать её слишком большим значением. Конечно, надо умудриться превратиться для собственной страны в больное, назойливое и опасное тело. Проблему бывшего героя, а ныне просто какого-то человека (как бы ни было ему обидно) нельзя превращать в проблему многих и многих тысяч людей. Значимость человека определяется силой реакции на его проявления: и в этом смысле для многих врагов Ельцина бог в нём ещё не умер, что, кажется, забавляет последнего. Потому что, по выражению Эдгара Кине, только Бога нельзя сместить, не произведя шума. Но их мотивация так же безошибочно ложится в рамки психологии взаимоотношений героя и толпы.

Но профессионал, эксперт должен приходиться к власти естественным образом — без вины.

Герой пользуется признанием, пока совершает невозможное, недоступное для большинства, на что те и не помышляют захватиться. Однако его вторжение в вид деятельности, который не приносит ему успеха, автоматически влечёт за собой разочарование бывших очарованных. Успешный в разрушении, Ельцин потерпел крах в созидании и стал дважды очевидно виновен — изначально за общий грех разрушения и ныне за стойкий неуспех в созидании. Как говорилось, герой изначально приговаривается массой к наказанию, сначала неявным образом, в вытесненном виде, затем — образом очевидным. Но наказание само по себе не было бы никому нужно, если бы из него не извлекалась польза. По замечанию С. Московичи, «акт наказания приносит удовольствие и пользу, которые не могли быть достигнуты иным способом: он позволяет заслужить одобрение всем, обвинив одного»². Если рассматривать подготовку и обсуждение импичмента с этой точки зрения, всё становится на свои места. Вполне в духе фрейдистского понимания стремления к наслаждению оппоненты Ельцина психологически не могли отказать себе в удовольствии, что дополнялось российской абсолютизацией: здесь принято гулять на всю катушку без рациональной заботы о последствиях. В результате главными заложниками конфронтаций ветвей власти становятся правительство и вообще реальные профессионалы, способные сменить харизматического лидера. Из харизмы есть один рациональный исход — обеспечение легитимности перехода власти к новому лидеру, более спокойному, возможно, более «серому» по визуальным признакам, зато не сумасшедшему, у которого плохо получится лазить на броневики, но который сумеет быть лавирующим дипломатом, способным сделать ставку на сбалансированный профессионализм в противовес политической конъюнктуре, отвечающим естественной усталости общества от разрушения. Стабильность здесь становится условием вообще всего, условием сохранения самой перспективы, некой ситуативно са-

модостаточной ценностью. Но профессионал, эксперт должен приходиться к власти естественным образом — без вины.

Нет ничего странного, что Ельцин, пользуясь эмоциональностью оппонентов, настаивал на импичменте: нестабильность, скандал — его стихия и его личный шанс. Но вопрос вины Ельцина — не главный вопрос в России. И степень коррумпированности, и кто сколько украл — тоже. Пусть придёт профессионал, который конституционными средствами постепенно разберётся в грехах и установит меру греховности. И, если будет на то возможность, что-то вернёт. Представляется более актуальным заданный по случаю обозревателем И. Потоцким вопрос: «Куда это мы сейчас? Хотелось бы знать заранее, а не по факту содеянного». Любая ситуация отсутствия рационально обоснованных ориентиров, нестабильности, аномальности в обществе чревата появлением нового харизматического лидера, а так ли он необходим сейчас России? Возможно, даже опасен, так как разрушение здесь может продолжаться только в одном направлении — децентрализация власти, распад России на независимые регионы, конец государственности.

«Нельзя путать физическую немощь Президента с его политической немощью». Он всегда слишком любил власть и не хотел ни с кем делиться этой властью. О чём он думает, когда снова и снова провоцирует скандал? Возможно, о том, что его мечта сбудется и власть останется у него? Другими словами, он станет последним Президентом России? **ЭС**

Примечания

- 1 M. Weber. *Economy and Society*. — Harvard University Press, Cambridge (MA), 1954.
- 2 С. Московичи. «Машина, творящая богов». М., 1998.